

В ПОИСКАХ РОСТА

*Как мы блуждаем в джунглях, пытаюсь понять,
как сделать бедные страны богатыми.**

Уильям Истерли

Мы – экономисты, находящиеся в поисках секрета экономического роста. В приключенческой мифологии некто в компании соратников отправляется в опасное путешествие в поисках какого-нибудь волшебного объекта, такого, как Священный Грааль или Золотое руно. Но во время путешествия выясняется, что решение, которое они ищут, заключается не в волшебном предмете, а в них самих.

Современная версия такой приключенческой истории – фильм «Волшебник из страны Оз». Ураган унес Дороти в страну Оз. Она потеряла надежду на возвращение домой, и местные жители сообщили, что ей может помочь Волшебник из страны Оз. Чтобы встретиться с Волшебником, Дороти отправляется в опасное путешествие. Волшебник советует ей добыть магическую метлу Злой Колдуньи с Запада. Увы, Волшебник оказывается мошенником, а метла – всего-навсего обычным веником. Однако Глинда, Добрая Волшебница с Севера, говорит Дороти, что она все это время обладала способностью вернуться домой без чьей-либо помощи. Все, что ей нужно было сделать, – это три раза щелкнуть каблуками и сказать: «Нет места лучше, чем родной дом. Нет места лучше, чем родной дом. Нет места лучше, чем родной дом».

Мы, экономисты, специализирующиеся на развитии и росте, пытались применить различные «метлы», которые в результате не оказались решением проблем. Затем мы вспомнили принцип теоретической экономики, который нам был известен все это время: «Люди реагируют на стимулы, люди реагируют на стимулы, люди реагируют на стимулы». История нашего путешествия в поисках роста – это история отказа от ложных универсальных средств и применения вместо них принципа «люди реагируют на стимулы».

Из числа этих ложных универсальных средств мы уже отвергли как не согласующиеся с принципом «люди реагируют на стимулы» следующие: **преодоление дефицита финансирования, надежда исключительно на накопление человеческого и физического капитала и структурные преобразования без преобразований.**

* Статья написана 16 ноября 1998 г. Она легла в основу книги “The Elusive Quest for Growth: Economists’ Adventures and Misadventures in the Tropics”. MIT Press, 2001. – *Прим. перев.* Публикуется с разрешения автора.

Вместо этого мы осознали, что люди и в частном, и в государственном секторе реагируют на стимулы. **В новых теориях роста** подчеркивается, что частные субъекты выбирают количество и качество большинства факторов производства и что отдача от этих факторов может меняться в зависимости от того, что делают другие частные субъекты. Теории **политической экономики** описывают, каким образом реагируют на стимулы государственные чиновники, когда выбирают тип экономической политики. Если у частного и общественного сектора есть мощные стимулы к инвестициям в будущее, то рост произойдет; если же стимулы слабы – роста не будет. **Эмпирические данные по росту и проводимой политике** подтверждают это предположение. Люди реагируют на стимулы, люди реагируют на стимулы, люди реагируют на стимулы.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДЕФИЦИТА ФИНАНСИРОВАНИЯ

В апреле 1946 г. Евсей Домар опубликовал статью об экономическом росте под названием «Увеличение капитала, темпы роста и занятость». В этой статье не обсуждался долгосрочный экономический рост в развивающихся странах, в ней обсуждалась связь между краткосрочными спадами и инвестициями в Соединенных Штатах. Домар предположил, что производственные мощности были пропорциональными запасу капитала. Однако он признал, что это допущение не соответствовало действительности.

Спустя одиннадцать лет, все еще чувствуя себя виновным, он отрекся и от своей модели. Он утверждал, что его целью было высказать замечания по поводу эзотерических дебатов, посвященных бизнес-циклам, а не проследить происхождение «эмпирически значимых темпов роста». Он говорил, что для долгосрочного роста его модель лишена всякого смысла. Домар подтвердил правильность новой модели роста Роберта Солоу, которая стала господствующим теоретическим подходом экономистов к анализу роста.

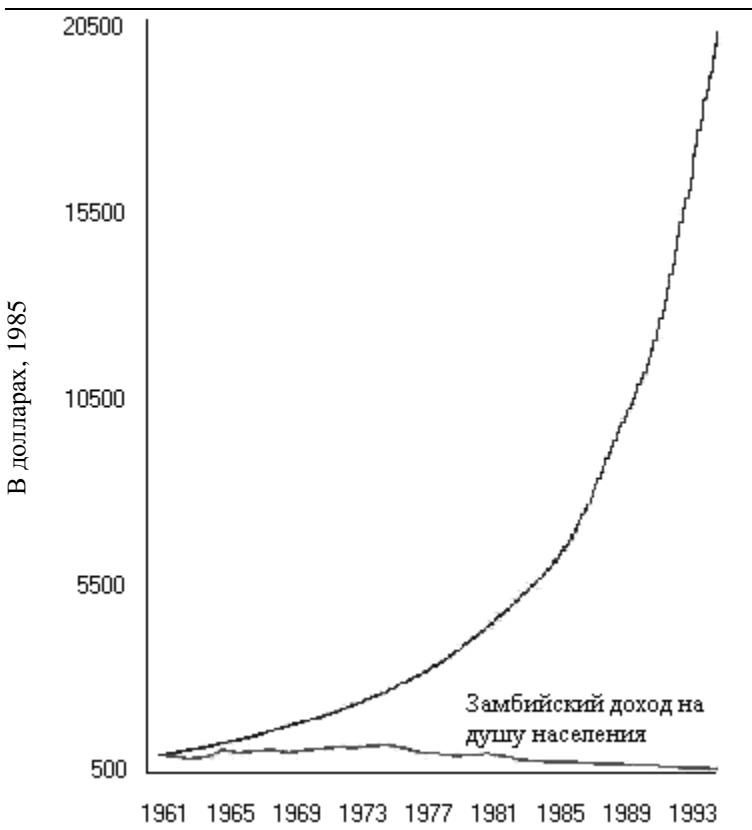
Итак, модель Домара не была задумана как модель роста, не имеет смысла как модель роста, и ее создатель отрекся от нее как от модели роста сорок лет назад. Однако, по иронии судьбы, модель Домара стала наиболее широко применяемой моделью роста в экономической истории.

Ранее экономисты, специализирующиеся на развитии и росте, использовали модель Домара (названную моделью Харрода-Домара за более ранний вклад Харрода) для расчета дефицита финансирования, который необходимо преодолеть, чтобы экономика начала развиваться. Как и Домар, они полагали, что обязательным ограничением производства являлся недостаток физического капитала, поскольку думали, что предложение неквалифицированного труда было избыточным. Как и Домара, это привело их к предположению, что рост пропорционален норме инвестирования; в частности, рост будет равен частному от деления инвестиций на коэффициент вызванного ими прироста выпуска (ICOR)¹. Целевой темп роста, умноженный на

¹ Перевод термина Incremental Capital Output Ratio. – *Прим. перев.*

ICOR, должен дать требуемую для достижения целевого роста величину инвестиций. *Дефицит финансирования* – это разность между имеющимся в наличии финансированием инвестиций (таким, как национальные сбережения) и требуемыми инвестициями. Заполнив эту разницу финансовой помощью, страна получила бы требуемые инвестиции, что, в свою очередь, дало бы целевые темпы роста.

Более поздние теория и практика отнюдь не согласовывались с этими предположениями. Теория утверждает, что инвестиции реагируют на стимулы к инвестициям в будущее. Помощь сама по себе не меняет соответствующих стимулов, а значит, не увеличивает инвестиции. В соответствии с теорией перманентного дохода, которая является составной частью теории потребления, люди будут потреблять, а не инвестировать перманентный поток помощи. Более того, расчет дефицита финансирования порождает нездоровую привычку к получению помощи – чем меньше ваши усилия по созданию национальных сбережений, тем больше ваш «дефицит» и тем больше помощи вы получите.

«Пропась» между моделью Харрода–Домара и реальностью Замбии

Практика применения подхода дефицита финансирования столь же неубедительна, как и теория. По всему миру происходило массированное увеличение помощи – с 5 млрд. долларов в год в 1960 г. до 45 млрд. в 1990-е гг. (обе цифры в ценах 1985 г.). По нарастающему итогу сумма помощи составила к началу 90-х один триллион долларов. Модель дефицита финансирования прогнозирует значительное увеличение инвестиций – один к одному по отношению к помощи. Этот прогноз оказался верным только для 6 из 88 стран. Люди реагируют на стимулы, люди реагируют на стимулы, люди реагируют на стимулы.

Не намного лучше обстоят дела с другим звеном в цепи дефицита финансирования и роста. Деление нормы инвестиций на ICOR оказывается плохим прогнозным показателем экономического роста в краткосрочном периоде. Только в 5 из 138 стран с умеренными значениями ICOR (от двух до пяти) связь между инвестициями (с лагом в один год) и последующим ежегодным ростом была положительной и значимой.

Наиболее очевиден провал модели дефицита финансирования в странах с большим объемом помощи и высокими первоначальными инвестициями. Сто процентов помощи должно переходить в инвестиции, повышая и без того высокий уровень инвестиций и приводя к быстрому росту при ICOR, равному, скажем, 3,5 (наиболее часто встречающееся в литературе значение ICOR). Такой страной была Замбия, для которой подход с позиций дефицита финансирования предсказывал достижение к 1994 г. дохода на душу населения в 20 000 долларов. Вместо этого доход на душу населения в Замбии застыл на уровне 600 долларов с момента получения независимости, несмотря на всю эту помощь и высокие первоначальные инвестиции.

Эти результаты ставят под сомнение краткосрочную зависимость между инвестициями и ростом. Но они не обязательно исключают подход **надежды исключительно на накопление человеческого и физического капитала**.

Подход с позиций дефицита финансирования больше не пользуется таким успехом, как раньше, что весьма неплохо для таких результатов. Несмотря на это, остатки этого подхода сохранились у международных финансовых организаций. Модель, используемая многими бюро Всемирного банка для прогнозирования роста и принятия донорами решений о восполнении недостатка финансирования по отдельным странам, до сих пор использует ICOR. ЕБРР в своем годовом отчете по бывшим коммунистическим странам за 1995 г. утверждает, что «рост в 5% требует 20% инвестиций» (ICOR=4). В отчете Всемирного банка по Латинской Америке за 1995 г. говорится, что «увеличение сбережений и инвестиций на 8 процентных пунктов ВВП должно привести к годовому росту около 2 процентных пунктов» (снова ICOR=4). В отчете Всемирного банка по Камбодже говорится, что «рост в 7–8% в год {требует} значительного увеличения национальных сбережений и инвестиций {и} весьма нуждается в выплатах официальной помощи». Институт МФВ в своих инструкциях для развивающихся стран предлагает

рассчитывать требуемые инвестиции как «целевой рост, умноженный на ICOR». Модель «ICOR разделить на дефицит финансирования» последние несколько лет применялась в Банке по отношению к настолько разным странам, как Аргентина, Бангладеш, Хорватия, Гайана, Венгрия, Индия, Индонезия, Иран, Иордания, Лаос, Литва, Македония, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Никарагуа, Перу, Сент-Винсент, Танзания, Уганда, Уругвай, Йемен, Вьетнам, Замбия и Зимбабве.

Теория и практика не подтвердили правомерность подхода преодоления дефицита финансирования. Пятьдесят лет – достаточный срок для ICOR, дефицита финансирования и всех прочих пережитков, связанных с моделью Харрода–Домара.

НАДЕЖДА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА НАКОПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ФИЗИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

На смену модели роста Харрода–Домара в академической литературе пришла модель Солоу. Ее автор указал на несовместимость модели Харрода–Домара с принципом «люди реагируют на стимулы». Если капитал – единственный ограничитель производства, и существует избыток труда, то производители будут заинтересованы в замещении избыточного труда редким капиталом.

Поэтому Солоу предположил, что производство – это функция и от труда, и от капитала, а также от технологии. Его сенсационный вывод состоял в том, что в долгосрочном периоде рост является исключительно функцией от технологических изменений, и не является функцией от сбережений или инвестиций. Сбережения определяли *уровень* дохода, но не *темпы его роста*. Попытки использовать сбережения в качестве источника роста привели бы к убыванию отдачи по мере увеличения капиталовооруженности. Тем самым более высокие сбережения дали бы более высокий рост только временно.

Подход Солоу лег в основу учета источников роста. Рост выпуска на душу населения рассчитывался как средневзвешенная величина роста капитала на душу населения и технологических изменений, ведущих к увеличению использования труда. Позже это стало известно как рост, вызванный суммарной производительностью факторов (total factor productivity growth – TFP). В долгосрочном периоде темпы роста выпуска и капитала на душу населения равны темпам роста, обусловленного TFP. Однако рост капитала на душу населения может иметь значение в кратко- и среднесрочном периоде. Например, если бы норма сбережений возросла с 5 до 20%, то кривая дохода сместилась бы вверх. При переходе к более высокой кривой и капитал, и выпуск будут расти быстрее, чем TFP. По достижении этой более высокой кривой рост снова должен сравняться с темпами роста TFP. Учет источников роста предполагал определение относительного веса этих долгосрочных и среднесрочных факторов. Находилась ли экономика в состоянии сбалансированного роста, когда его темпы со-

впадали с темпами роста ТФР, или в переходном состоянии, когда накопление капитала могло временно поддержать рост?

Сам Солоу одним из первых применил учет источников роста. Он обнаружил, что рост ТФР объясняет почти весь рост выпуска в США за период с 1900 по 1949г. Это сенсационное открытие подтверждало его теоретический вывод о том, что долгосрочный рост определяют технологические изменения. По иронии судьбы некоторые современные приверженцы учета источников роста, которые относят себя к наследникам традиции Солоу, стремятся объяснить подавляющую долю роста накоплением капитала (и физического, и человеческого). Наиболее известным примером являются работы Янга (Young, 1994, 1996), который обнаружил, что накопление капитала на переходном этапе объясняло быстрый рост в Восточной Азии. Кругман (Krugman, 1996) выводы Янга изложил в доступной форме в своей знаменитой статье «Миф азиатского чуда», опубликованной в *Foreign Affairs*. По его мнению, восточноазиатский рост вообще не был чудом, он был всего лишь тем, чего ожидают от быстрого, но временного роста человеческого и физического капитала.

Кроме того, Мэнкью, Ромер и Вейл (Mankiw, Romer and Weil, 1993) использовали модель Солоу для объяснения различий в доходах между странами. Уловив намек Солоу о том, что *уровень* дохода есть функция нормы сбережения, они объяснили большинство межстрановых различий в уровне дохода через разные нормы сбережения. В свое определение сбережений они включали накопление как человеческого, так и физического капитала.

Кленов и Родригез-Клэйр (Klenow and Rodriguez-Clare, 1997) подвергли сомнению утверждение о том, что накопление капитала может объяснить большую часть межстрановых различий в уровне дохода и темпах роста. Ни Янг, ни Мэнкью, Ромер и Вейл не обращали внимания на изменчивость темпов роста от страны к стране. Накопление капитала не могло объяснить эту изменчивость. Кленов и Родригез-Клэйр (1997) подсчитали, что 91% межстрановых различий в темпах роста были вызваны различиями в росте, обусловленном ТФР, а не капиталом. Они также пересмотрели результаты Янга (Young, 1994, 1996). Они приняли во внимание, что часть накопления капитала – это просто реакция на рост, обусловленный ТФР. С этой оговоркой рост, обусловленный ТФР, большей частью объяснил три из четырех восточноазиатских чудес Ганга.

Аналогичные выводы следуют из анализа примеров учета источников роста, осуществленного Кингом и Левайном (King and Levine, 1994), Неру и Дарешваром (Nehru and Dhareshwar, 1993), Бенхабибом и Шпигелем (Benhabib and Spiegel, 1997), а также Босвортом и Коллинзом (Bosworth and Collins, 1997). Во всех этих примерах большинство межстрановых и межвременных различий в темпах роста ТФР, а не накоплением человеческого и физического капитала. Физический капитал объясняет только около четверти межстрановых и межвременных различий в темпах роста.

Кроме того, ни одна работа Янга (1994, 1996), а также Мэнкью, Ромера и Вейла (1993) на тему объяснения роста капиталом не касалась эндогенности накопления капитала. Накопление капитала также реагирует на стимулы. Согласно прогнозу модели Солоу, технологические изменения создают для капитала стимулы расти теми же темпами, что и TFP. Бломсторм и др. (Blomstrom et al., 1996) обнаружили, что скорее рост обуславливает инвестиции, чем наоборот. В таком случае объяснение роста накоплением капитала ошибочно, потому что силой, создающей стимулы, был рост, обусловленный TFP, см. Барро и Сала-и-Мартин (Barro and Sala-i-Martin, 1995). Люди реагируют на стимулы. Люди реагируют на стимулы. Люди реагируют на стимулы.

Давайте обратимся к нескольким отдельным примерам, конкретизирующим вывод, что накопление капитала не объясняет большей части межстрановых различий в темпах роста. В Замбии за 1960–1975 гг. средняя норма инвестиций составляла около 35%, но смогла привести к темпам роста выпуска на душу населения лишь в 0,4%. Корея, имея в 1960–1975 гг. норму инвестиций в 19%, довольствовалась темпами роста выпуска на душу населения в 6%.

По всей Африке, в силу массового охвата населения начальным и средним образованием, происходило очень быстрое накопление человеческого капитала. Отсутствие ответной реакции роста на это чудо образования побудило Притчетта (Pritchett, 1997) задать вопрос: «Куда делось все это образование?»

Другим вещественным доказательством по делу против инвестиций является рост как начало и конец всему в Советском Союзе, где быстрый рост капитала привел к резкому убыванию отдачи факторов производства. В 80-е гг., несмотря на увеличение нормы инвестиций почти до 30 %, рост выпуска на душу населения в Советском Союзе сократился почти до нуля.

Эти факты подтверждают, что накопление физического и человеческого капитала само по себе не обязательно даст рост. Экономисты, занимающиеся проблемами развития и роста, должны сместить акценты с увеличения инвестиций в человеческий и физический капитал на внедрение технологий, с улучшения инвестиций – на улучшение политики.

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ БЕЗ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В 80-е гг. международные финансовые организации (МФО) сделали структурные преобразования средством поиска путей восстановления роста в стагнирующих экономиках. «Структурные преобразования» были всеобъемлющим словосочетанием, включающим девальвацию обменного курса, сокращение дефицита бюджета, снижение инфляции, либерализацию контролируемых цен и процентных ставок, приватизацию и реструктуризацию государственных предприятий, а также переориентацию государственных расходов в направлении поддержания здравоохранения, образования и ин-

фраструктуры. К сожалению, часто оказывалось, что МФО продолжали предоставлять займы на структурные преобразования без учета осуществления преобразований правительством-реципиентом.

Например, за 1980–1992 гг. МФО выделили Замбии 10 займов на структурные преобразования, в то время как в 1992 г. эта страна достигла небывало высоких темпов инфляции в 192% годовых, сохранив трехзначную цифру темпов инфляции и в 1993 г. За период с 1980 по 1992 г. МФО выдали Кении 15 займов на структурные преобразования, в то время как ее правительство в 1992–1993 гг. все еще имело дефицит бюджета в размере около 8% ВВП.

Теперь о приватизации и реструктуризации государственных предприятий в рамках программ структурных преобразований, сомнительность успеха которых была доказана. Наблюдатели определили Кенийские железные дороги как предприятие с финансовыми проблемами, нуждавшееся в средствах для оздоровления еще в 1972 г. Экономический меморандум стран (Country Economic Memorandum – СЕМ) Всемирного банка за 1983 г. определил Кенийские железные дороги как фирму, «имеющую серьезные финансовые трудности». В нем выражалась надежда, что ранее объявленные политические намерения «изучать и модернизировать предприятия с участием государственного капитала» улучшили бы ситуацию. В обзоре государственных расходов (Public Expenditure Review – PER) за 1989 г. отмечалось, что правительство подготовило для Кенийских железных дорог корпоративный план, на который авторы возлагали большие надежды. Правда, в PER за 1989 г. отмечалось, что наблюдалась «значительная задержка в осуществлении плана» в результате «скудного финансирования Кенийских железных дорог». В 1996 г. отчет Всемирного банка в очередной раз отмечал «скудное финансирование» Кенийских железных дорог, их низкие технические характеристики, а также потребность в «неотложном восстановлении и усовершенствовании».

МФО и правительство часто терпят неудачу в достижении цели сохранить расходы на поддержание роста (operation and maintaining spending – O&M) во время структурных преобразований. Филиппины в 1983–1985 гг. получили два займа стэнд-бай от МВФ и два займа Всемирного банка на структурные преобразования. Всемирный банк (1992) выяснил, что правительство страны за этот период сократило O&M почти на 40%. Результатом было разрушение дорог, мостов, портов, а также аварии на энергетических установках в конце 80-х гг. В том же самом исследовании обнаружено, что Коста-Рика (реципиент 10 займов на структурные преобразования в 1980–1992 гг.) сократила O&M на 80% во время финансовой реформы 80-х гг. К концу периода 70% дорожной сети находилось в плохом или очень плохом состоянии.

Кроме того, МФО не достигли большого успеха, сохраняя капитальные расходы путем разрешения снижения текущих расходов. Департамент оценки операций Всемирного банка (The Operations Evaluation Department, 1996) обнаружил, что из 25 случаев, когда займ предусматривал снижение теку-

щих расходов, 15 стран в действительности их увеличили. В отчете Всемирного банка о мировом развитии за 1988 г. (The World Development Report, p. 113) указано, что во время финансовой реформы правительства снижают капитальные расходы гораздо сильнее (приблизительно на 35%), чем другие статьи расходов общественного сектора, такие, как заработная плата (приблизительно на 10%).

Как получилось, что правительство не осуществило многих преобразований, требуемых МФО? Ну что же, и государственные чиновники, и чиновники МФО тоже реагируют на стимулы. Выдача займов на структурные преобразования в обмен на политические реформы – это сложная игра. У правительства есть стимул проводить усовершенствования с целью получения займов, но затем, когда МФО эти займы выдадут, возвращаться к своей излюбленной политике. У МФО есть стимул выдавать займ, даже если политические реформы находятся под сомнением, поскольку они заботятся о бедных в стране-реципиенте (Svensson, 1993). Кроме того, иногда МФО отдают предпочтение осуществлению выплат, а не разрыву отношений с такой страной в соответствии с внутренне ей присущими бюрократическими стимулами. Борнсайд и Доллар (Burnside and Dollar, 1997) обнаружили, что помощь всего сообщества доноров не оказывает влияния на выбор политического курса странами-реципиентами.

В журнале *The Economist* от 19 августа 1995 г. хорошо описан «сложный танец» преобразований для Кении.

Его шаги следующие. Шаг первый: Кения добивается выделения зарубежной помощи на один год. Шаг второй: ее правительство начинает плохо себя вести, сворачивая экономические реформы... Шаг третий: очередное собрание доноров угрожает, что иностранные государства разгневаются и примут жесткие меры. Шаг четвертый: Кения достает из шляпы примирительного кролика. Шаг пятый: доноры сменяют гнев на милость, и помощь выделяется. Весь танец начинается сначала.

СИЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Почему правительства не выбирают хорошую политику, если такая политика привела бы к улучшению экономических показателей? В быстро увеличивающемся количестве публикаций по политической экономии выдвинуто несколько вполне правдоподобных гипотез, подчеркивающих, что проблемой реформ является поляризация общества.

Эта поляризация может возникнуть вследствие различий между категориями дохода. В обществах с высокой степенью неравенства беднейшая часть населения больше выигрывает от перераспределения дохода, чем от политики содействия росту. Если решение о политике принимается большинством голосов, то бедное большинство будет голосовать за обложение налогом богатого меньшинства. В обществах с большей степенью равенства и совместным пользованием результатами роста большинство будет скорее выигрывать от политики содействия росту, чем от политики перераспределения.

Поэтому неравенство порождает плохую политику, следствием которой является низкий рост (Alesina and Rodrik 1996, Persson and Tabellini, 1996).

Поляризация также может возникнуть между группами экономических интересов, например сельскохозяйственных и промышленных интересов. Если существует неопределенность по поводу того, кто выиграет от реформы, большинство может заблокировать реформу, даже если оно окажется в выигрыше. Предположим, например, что экономика состоит из двух групп интересов, сельскохозяйственной, составляющей 40% населения, и промышленной, к которой относятся остальные 60%. Предположим, что реформа выгодна каждому члену сельскохозяйственной группы и одной трети индивидов в группе промышленных интересов. Ex-post, существует большинство в 60%, которое выигрывает от реформы. Однако предположим, что у индивидов из промышленной группы нет ни малейшего представления о том, кто из них окажется в трети счастливых, которые выиграют от реформы. Такие индивиды будут рассчитывать только на один из трех шансов получения выигрыша от реформы, и поэтому каждый член промышленной группы проголосует против нее. Реформа будет сведена на нет в силу неопределенности по поводу того, кто получит от нее выигрыш (Fernandez and Rodrik, 1990).

Изнурительная борьба между группами интересов может также привести к отсрочке проведения реформы. Группа, которая сдаст позиции первой, должна понести издержки реформы. Каждая группа старается «переждать» другие, тем самым откладывая реформу (Alesina and Drazen, 1991).

Наконец, может возникнуть поляризация между этническими группами. Предположим, что общество делится по этническому и языковому признаку, и каждая группа получает ренту, созданную государством как благо совместного пользования. Каждая группа извлекает ренту из пользования этим благом без учета влияния своих действий на другие группы. Тем самым такая этническая поляризация порождает деструктивный поиск ренты. Истерли и Левайн (Easterly and Levine, 1997) попытались дать объяснение плохой экономической политики стран Африки этнической поляризацией.

Чиновники МФО не принимали во внимание отсутствие заинтересованности в реформах в странах, получающих займы на структурные преобразования. Таким образом, кредитование структурных преобразований не является панацеей для осуществления роста, на которую МФО возлагали надежды в 80-е гг. Оно потерпело неудачу, поскольку стимулы правительств стран-реципиентов к проведению реформ не были достаточно сильными. Оно потерпело неудачу, поскольку у МФО были слишком сильны стимулы выделять займы, несмотря на недостаток политических реформ. Люди реагируют на стимулы. Люди реагируют на стимулы. Люди реагируют на стимулы.

НОВЫЕ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Разочарование в преодолении дефицита финансирования, надежде исключительно на накопление человеческого и физического капитала и струк-

турных преобразованиях без преобразований привело экономистов, занимающихся проблемами развития, к поиску новых перспектив для экономического роста. К счастью, академическая литература по экономическому росту одновременно с разрушением иллюзий относительно старых теорий, получила новый толчок к развитию.

Новые теории экономического роста можно разделить на три типа: (1) те, что делают акцент на самостоятельном накоплении частным субъектом всех типов капитала, (2) те, что делают акцент на эффектах перелива инвестиций других агентов по отношению к чьим-то собственным инвестициям, и (3) те, которые считают темпы технического прогресса эндогенными по отношению к экономическим стимулам. Поскольку третий тип в основном применяется в отношении изобретения передовых технологий в развитых странах, в данном эссе о росте в развивающихся странах он рассматриваться не будет.

Первый тип новых теорий отрицает убывающую отдачу капитала, которая делала капитал перманентным источником роста в модели Солоу. В соответствии с этой позицией, лучше всего сформулированной у Ребело (Rebello, 1991), индивиды могут накапливать все факторы производства. В модели Солоу к существованию убывающей отдачи привело неизменное предложение труда. В модели Ребело инвестирование в человеческий капитал увеличивает запас труда. В долгосрочном периоде физический капитал и человеческий капитал будут расти одинаковыми темпами, предотвращая убывание отдачи капитала.

В модели Ребело рост будет функцией от степени мощности стимулов к инвестированию в физический и человеческий капитал. Изменения политики, которые меняют эти стимулы, будут изменять и долгосрочные темпы роста. Изменение нормы сбережений также будет изменять долгосрочные темпы роста, в отличие от модели Солоу, где норма сбережений определяла только уровень дохода, но не его долгосрочные темпы роста. Модель Ребело – простейшая версия того, что в литературе получило название «эндогенных моделей роста», в которых рост является эндогенной функцией политических стимулов и частного поведения. Аргументом в пользу данного вида модели является сильное влияние политики на рост, которое мы наблюдаем на практике (см. ниже).

Хотя рост был эндогенным в модели Ребело и экзогенным – в расширенной модели Солоу, разработанной Мэнкью, Ромером и Вейлом, разница между этими двумя моделями не столь существенна, как может показаться на первый взгляд. Мэнкью, Ромер и Вейл наблюдали очень высокую долю капитала (до 0,8 в теории Мэнкью 1995 г.). Ребело теоретически допускал долю капитала равной единице. На практике разница между 0,8 и 1 не столь важна. Политика будет оказывать огромное влияние в модели Мэнкью, в которой переход от одного уровня дохода к другому будет выглядеть точно так же, как эффект роста в модели Ребело.

ЭФФЕКТЫ ПЕРЕЛИВА И «ЛОВУШКИ НИЩЕТЫ»

Второй тип новых теорий роста рассматривает производительность индивидов как подверженную влиянию не только их собственных инвестиций, но и эффектам перелива инвестиций других индивидов. Возможность такой разновидности эффекта перелива наиболее очевидна, если мы рассмотрим природу технологических знаний. Знания – это общественный товар, который, будучи однажды созданным, становится общедоступным. Они также обладают уникальным свойством не исчерпываться по мере использования; использование знаний одним индивидом не мешает другому использовать те же самые знания. Поэтому инвестиции одного индивида в новые знания принесет выгоду всем экономическим субъектам.

Если инвестиции в физический капитал создают новые знания (Romer, 1986; 1987), то будет наблюдаться эффект перелива от инвестиций каждого индивида в знания, полезные для всех остальных экономических субъектов. Экономика, уровень развития капитала в которых уже высок, получают самую высокую отдачу от новых инвестиций.

Предположим, что знания передает и формальное обучение в школе, и неформальное общение между индивидами. Тогда будет существовать эффект перелива от среднего уровня образования в экономике к производительности каждого индивида (Lucas, 1988). Более широкое распространение в обществе школьного образования будет содействовать распространению знаний через неформальное общение. В свою очередь, это увеличит заинтересованность индивида в осуществлении инвестиций в школьное обучение. Если эффект перелива достаточно силен, будут формироваться «добродетельный» (virtuous) и «порочный» (vicious) круги. В «добродетельном» круге уровень образования в обществе достаточно высок, и поэтому высока заинтересованность в инвестициях в образование, а значит, и уровень образования в таком обществе будет высоким. В «порочном» круге, уровень образования в обществе низок, поэтому стимулы инвестировать в образование слабые, а значит, уровень образования в таком обществе останется низким. Государственная политика может переместить экономику из «порочного» в «добродетельный» круг путем устранения налогов на инвестиции в школьное образование или путем субсидирования обучения в школе.

В литературе «порочный» круг называется «ловушкой нищеты» (Azariadis and Drazen, 1990; Murphy, Shleifer and Vishny, 1989). Имеются веские прямые и косвенные доказательства существования «ловушек нищеты» на разных уровнях экономического агрегирования. На уровне городов – Рауч (Rauch, 1991) обнаружил, что индивиды в городах с высоким уровнем человеческого капитала зарабатывают больше, чем индивиды в городах с невысоким уровнем. На уровне этнических групп – Борьяз (Bořjas, 1994) обнаружил, что индивиды в этнических группах с высоким в среднем уровнем человеческого капитала зарабатывают больше, чем такие же индивиды в этнических группах с невысоким в среднем уровнем. (Он назвал этот сред-

ний уровень человеческого капитала «этническим капиталом».) Это привело к устойчивым различиям в доходах между группами иммигрантов даже среди граждан в третьем поколении: те, чьи деды иммигрировали в США из Австрии, в 1980 г. зарабатывали на 20% больше, чем те, чьи деды иммигрировали из Бельгии.

Похожие результаты получены для развивающихся стран. Домохозяйства в бедных регионах Бангладеш Тангайл/Джамалпур зарабатывали меньше, чем аналогичные домохозяйства более обеспеченного региона Дакка (Ravallion and Wodon, 1998). Аналогичным образом Раваллон и Джалан (Ravallion and Jalan, 1996; Jalan and Ravallion, 1997) выяснили, что жители бедных округов Юго-Западного Китая зарабатывали меньше, чем домохозяйства с таким же человеческим капиталом и другими характеристиками в богатой провинции Гуандун.

Кроме того, имеются признаки существования «ловушек нищеты» на уровне стран. В этом случае стартовый доход является хорошим прогнозным показателем будущего дохода, поскольку все зависит от того, достаточен ли размер человеческого капитала для того, чтобы перейти из «порочного» круга в круг «добродетельный». Даже в очень долгосрочной перспективе существует значительная корреляция между стартовым и современным уровнем дохода. По данным Мэддисона (Maddison, 1994) о долгосрочном периоде для 36 стран, между стартовым доходом на душу населения в 1820 г. и доходом в 1992 г. существует корреляция в 0,85. Согласно более свежим данным по 125 странам из Penn World Tables, между доходом на душу населения в 1960 и в 1992 гг. существует корреляция в 0,92.

Другой прогноз модели «ловушки нищеты» – это то, что страны, находящиеся в таких «ловушках», не будут привлекать физический или человеческий капитал из-за рубежа. В среднем низкий уровень человеческого и физического капитала снижает норму прибыли на новый капитал. Этот прогноз подтверждается на практике. Богатые страны осуществляют свои инвестиции в физический капитал или у себя дома, или в других богатых странах, но не в бедных странах. Валовой годовой приток портфельного капитала за 1970–1994 гг. составил шесть центов на душу населения в квинтиле беднейших стран, в то время как для самых богатых стран он составил 189 долларов на душу населения.

Что касается человеческого капитала, то хорошо известный феномен утечки умов дает ответ: человеческий капитал перетекает в места, где он уже имеется в изобилии. Квалифицированные хирурги, или инвестиционные банкиры, или адвокаты перемещаются в страны или города, где уже сконцентрированы квалифицированные хирурги, или инвестиционные банкиры, или юристы. Опять же, это свидетельство того, что существует эффект перелива производительности от высокой в среднем квалификации к такому новичку.

Таким образом, существует серьезное прямое и косвенное подтверждение моделей эндогенного роста в целом и моделей роста с «ловушкой нищеты» в частности. В таких моделях сильные эффекты вызывают стимулы,

порожденные политикой. Страны, которые начинают рост бедными, имеют тенденцию бедными и оставаться в силу слабых стимулов. Люди реагируют на стимулы. Люди реагируют на стимулы. Люди реагируют на стимулы.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОЛИТИКИ И РОСТА

Все модели роста, обсуждавшиеся в предыдущих разделах, дают прогноз, что национальная экономическая политика будет оказывать сильное влияние на экономический рост. Политика правительства в расширенной модели Солоу с высокой долей капитала будет сильно влиять на уровень дохода. Во время перехода от старого к новому его уровню это будет означать эффекты роста. Политика будет иметь непосредственное влияние на рост в модели Ребело, в которой накопление человеческого и физического капитала реагирует на стимулы, порожденные политикой. В моделях с «ловушкой нищеты» политика может повысить или понизить планку первоначального дохода, ниже которой возникает «ловушка». В моделях «ловушек нищеты» политика также оказывает влияние на рост в странах, которым удалось избежать таких «ловушек».

Эмпирический опыт подтверждает эти прогнозы. Ниже приведен перечень политических мер, каждая из которых сама по себе приведет к увеличению темпов роста на один процентный пункт:

- Увеличение на 1,2 года среднего периода обучения рабочей силы.
- Увеличение охвата населения средним образованием на 40 процентных пунктов.
- Сокращение на 28 процентных пунктов доли кредита центрального банка в совокупном кредите.
- Увеличение коэффициента монетизации ($M2/ВВП$) на 50 процентных пунктов.
- Увеличение государственных инвестиций в транспорт и коммуникации на 1,7% ВВП.
- Снижение инфляции на 26 процентных пунктов.
- Сокращение дефицита государственного бюджета (в процентах от ВВП) на 4,3 процентного пункта.
- Снижение премии черного рынка² от обменного курса на 36 процентных пунктов.
- Рост доли внешнеторгового оборота в ВВП на 40 процентных пунктов.
- Снижение доли государственного потребления в ВВП на 8 процентных пунктов.
- Увеличение доли прямых иностранных инвестиций в ВВП на 1,25 процентного пункта³.

² Премия черного рынка – это величина спреда между официальным и рыночным обменными курсами, измеренная в процентах. – *Прим. перев.*

³ Источники: Barro, 1991; Barro and Lee, 1993; King and Levine, 1993; Easterly and Rebelo, 1993; Fischer, 1993; Easterly and Levine, 1997; Easterly, Loayza and Montiel, 1997; Borensztein, De Gregorio and Lee 1994.

Эти эмпирические результаты далеки от неопровержимого подтверждения того, что политика правительства является *причиной* роста. Корреляция между политикой и ростом может существовать в силу обратной причинной связи между плохим ростом и плохой политикой. Такая корреляция также может объясняться существованием третьего фактора, которым пренебрегли при анализе, но который влиял и на рост, и на политику.

Что по этому поводу говорит теория роста? Во-первых, существует множество теоретических моделей, которые показывают, что политика обуславливает рост, но среди них нет модели, которая показывала бы, что рост обуславливает политику. Во-вторых, эти теории с целью выяснения причинно-следственных связей используют статистические методы. Кинг и Левайн (King and Levine, 1993a) для прогнозирования роста в последующие 30 лет использовали первоначальную величину коэффициента монетизации. Левайн (Levine, 1998) в качестве инструмента определения коэффициента монетизации использовал правовую систему⁴, и все равно обнаружил сильное влияние коэффициента монетизации на рост. Истерли, Лоайза и Монтель (Easterly, Loayza and Montiel, 1997) при анализе регрессии *изменения* роста во времени в зависимости от *изменения* политики исключили какие-либо посторонние факторы наряду с введением, в качестве инструмента определения изменений политики, ее первоначальных параметров. Они по-прежнему обнаружили сильное влияние таких переменных, как открытость и государственное потребление, как было показано выше, а также других характеризующих политику переменных. Эти результаты подтверждают, что политика обуславливает рост.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После многолетних блужданий в джунглях экономисты, находящиеся в поисках роста, в последние годы приблизились к цели своего путешествия. **Преодоление дефицита финансирования, надежда исключительно на накопление физического и человеческого капитала и структурные преобразования без преобразований** доказали, что они не являются волшебной метлой, которую мы искали. Не существует волшебной метлы для экономического развития, а есть только логичная теория, говорящая, что люди реагируют на стимулы, и эмпирическое подтверждение того, что они это делают.

ЛИТЕРАТУРА

- Alesina, Alberto and Allan Drazen. 1991. «Why Are Stabilizations Delayed?» *American Economic Review* 81 (5): 1170-88.
- Alesina, Alberto and Dani Rodrik, «Distributive Politics and Economic Growth», *Quarterly Journal of Economics*, CIX (1994), 465-90.

⁴ Имеется в виду инструментальная переменная регрессионной модели. Она должна влиять на объясняющую переменную, но не оказывать влияния на зависимую переменную. – *Прим. перев.*

- Barro, Robert. «Economic growth in a cross-section of countries», *The Quarterly Journal of Economics*, 106, 2 (May 1991): 407-443.
- Barro, Robert and Xavier Sala-i-Martin, *Economic Growth*, McGraw-Hill, 1995.
- Barro, Robert, and Jong-Wha Lee, «International Comparisons of Educational Attainment», *Journal of Monetary Economics* XXXII (1993), 363-94.
- Blomstrom, M., Lipsey R.E., and M. Zejan. 1996. «Is Fixed Investment the Key to Economic Growth?» *Quarterly Journal of Economics* CXI (1): 269-276.
- Boone, 1995.
- Borensztein, Eduardo, Jose de Gregorio, and Jong-Wha Lee, «How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth?», IMF Research Department, mimeo, July 1994.
- Borjas, George, «Ethnic capital and intergenerational mobility», *Quarterly Journal of Economics*, CVII (February 1992), 123-150.
- Burnside and Dollar, 1997.
- Easterly, William, «When is fiscal adjustment an illusion?», World Bank mimeo, April 1998.
- Easterly, William, «The Ghost of Financing Gap: How the Harrod-Domar Model Still Haunts Development Economics», World Bank Working Paper #1807, August 1997.
- Easterly, William and Levine, Ross, «Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions», *The Quarterly Journal of Economics*, November 1997, p. 1203-1250.
- Easterly, William, Norman Loayza, and Peter Montiel, «Has Latin America's Post-reform Growth Been Disappointing?», *Journal of International Economics* 43 (1997), 287-311.
- Fischer, Stanley. «The role of macroeconomic factors in growth». *Journal of Monetary Economics* Vol 32, No. 3 (December 1993), 485-512.
- Jalan, Jyotsna and Martin Ravallion, «Spatial Poverty Traps?», World Bank Policy Research Working Paper 1862 (December 1997).
- King, Robert G., and Ross Levine, «Capital Fundamentalism, Economic Development, and Economic Growth». *Carnegie-Rochester Series on Public Policy* 40 (June): 259-92.
- _____, and _____, «Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right», *Quarterly Journal of Economics*, CIIX (1993a), 717-38.
- _____, and _____, «Finance, Entrepreneurship, and Growth: Theory and Evidence», *Journal of Monetary Economics*, XXXII (1993b), 513-42.
- Lucas, R.E. Jr., «On the Mechanics of Economic Development», *Journal of Monetary Economics*, XXII (1988), 3-42.
- Nehru, Vikram, and Ashok Dhareshwar. 1993. «A New Database on Physical Capital Stock: Sources, Methodology, and Results». *Revista de Analisis Economico* 8 (1): 37-59.
- Persson, Torsten and G. Tabellini, «Is Inequality Harmful for Growth?» *American Economic Review*, XXIV (1994), 600-21.
- Pritchett, Lant. «Where has all the education gone?», World Bank mimeo.
- Ravallion, Martin and Jyotsna Jalan, «Growth divergence due to spatial externalities», *Economics Letters* 53 (1996), 227-232.
- Ravallion, Martin and Quentin Wodon, «Poor areas or only poor people?», World Bank mimeo, January 1998.
- World Bank, 1988, *World Development Report*.
- World Bank, 1992, *Adjustment Lending and Mobilization of Private and Public Resources for Growth*, Policy and Research Series 22.
- World Bank, 1996, *Fiscal Management in Adjustment Lending*. Operations Evaluation Department. *Report No. 16040*.

ПОСТРОЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА*

Андерс Ослунд

С 1989 по 1991 г. коммунизм потерпел полное крушение в странах бывшего советского блока, в результате чего эти страны попытались создать новую экономическую и политическую систему. Десятилетие спустя – подходящее время для оценки того, что было сделано. Удивительным образом двадцать одна страна бывшего Советского Союза и Восточной Европы одновременно отказалась от очень похожих политических и экономических систем и пытаются создать что-то новое. Реальное развитие событий часто противоречило общепринятой точке зрения, которая обычно опирается на поверхностные обобщения опыта нескольких странах и пару возможных объяснений.

Различия в результатах оказались огромными, и они со временем усиливались. На протяжении веков Польша была страной, достойной сострадания, но после 1989 г. она оказалась сияющей звездой. Аналогично после второй мировой войны три прибалтийских государства оказались, в сущности, поработанными нациями, по-видимому, обреченными на вымирание. Но они возродились как преуспевающие и миролюбивые страны. До 1991 г. Россия воспринималась как еще одна сверхдержава, но на самом деле она представляла собой диктаторскую страну третьего мира. Позже произошел расцвет свободы и демократии, но прогресс экономики потерпел неудачу. Финансовый кризис августа 1998 г. казался предвестником гибели, а вместо этого российская экономика с тех самых пор начала быстро расти. Беларусь была, возможно, наиболее успешно функционирующей экономикой Советского Союза, но после провозглашения независимости она осталась маленьким советским заповедником. После кровавой гражданской войны кандидатом на роль государства, потерпевшего неудачу, является Таджикистан.

Эти огромные различия между посткоммунистическими странами свидетельствуют о том, что *не было общепринятого курса, которого следовало придерживаться*, и успех трансформации изначально не был predetermined. Основными лозунгами этого времени были формирование демократии, рыночной экономики, а также правовых норм, но все это не было

* Данная работа представляет собой текст доклада, сделанного г-ном Ослундом на семинаре Клуба экономистов «Трансформация белорусской экономики», проведенного Институтом приватизации и менеджмента 24-25 августа 2001 г. Публикуется с разрешения автора.